

Совершенно не удивительно, что Тан Юйхуэй получил самый радушный приём от семьи Кан Чжэ. Однако, если уж быть точным, Тан Юйхуэй испытывал смешанные чувства: радость и неловкость одновременно. Он немного нервничал, боясь показаться невежливым или случайно обидеть, хотя сам не понимал, почему так переживает.

Мама Кан Чжэ не говорила, но понимала по-китайски. Отец был человеком спокойным, но немногословным. Сам Кан Чжэ воздерживался от разговоров — ждать его участия в беседе не приходилось.

Стол ломился от блюд, каждое из которых было приготовлено с любовью. Из-за языкового барьера, чтобы выразить благодарность за вкусную еду, Тан Юйхуэй приходилось изображать преувеличенный восторг мимикой и жестами. Судя по лёгкой ухмылке Кан Чжэ, замеченной Тан Юйхуэем, он, похоже, выглядел так, будто пел и танцевал одновременно.

После обеда мама Кан Чжэ принесла из кухни небольшую тарелку цампы, традиционного тибетского блюда из ячменной муки с маслом. В отличие от огромных порций, которые обычно едят тибетцы, эта была маленькой, явно приготовленной специально для Тан Юйхуэя.

Отец Кан Чжэ смешал масло яка, творог и сахар и молча протянул плоску Тан Юйхуэю. Превозмогая сытость, Тан Юйхуэй с трудом проглотил уже подступившую к горлу еду и кое-как впихнул в себя два кусочка, настолько вкусных, что он потерял дар речи. Наблюдая за Тан Юйхуэем, который, словно хомяк, так набивал рот, что раздулись щёки, отец Кан Чжэ не смог сдержаться: на его строгом лице мелькнула улыбка. Кан Чжэ вздохнул и пододвинул тарелку Тан Юйхуэя к себе:

— Не ешь больше, если не можешь. Родители не обидятся.

Тан Юйхуэй с облегчением выдохнул, чувствуя, что сейчас его действительно стошнит. Он украдкой потёр живот, поднял большой палец вверх, и стараясь изо всех сил, одарил родителей Кан Чжэ сияющей улыбкой.

К счастью, больше никаких блюд не подали. Наевшись, Тан Юйхуэй вышел во двор посмотреть на лошадей, немного переварить съеденное и унять неприятные ощущения в желудке. Наигравшись с лошадьми, Тан Юйхуэй переключился на коз.

Он осторожно приближался к белоснежному козлёнку в загоне, когда появился Кан Чжэ и без раздумий потрепал по голове козлика, которого Тан Юйхуэй так долго разглядывал, не решаясь погладить. Теперь он с болью в сердце наблюдал, как белый козлёнок доверчиво трётся головой о ладонь Кан Чжэ, а тот, поглаживая его, равнодушно спросил:

— Скучно, да?

Тан Юйхуэй не сразу понял:

— А?

— Видишь, здесь всегда так. После еды даже нечем развлечься. В гостинице хоть Wi-Fi есть, а тут нет даже телевизора. — Он провёл рукой по спине козлёнка и спокойно продолжил: — Китай такой большой. Зачем было приезжать в это глухое, скучное место и просто бездельничать? Что ты вообще хочешь?

Внезапно сердце Тан Юйхуэя сжалось и забилось часто-часто. Он помолчал — и вдруг улыбнулся:

— Тебе стало интересно?

Кан Чжэ, прислонившись к ограде загона для коз, поднял на него взгляд. Улыбка делала Тан Юйхуэя ещё моложе, словно он тепличная роза, не знавшая обид и не росшая в суровом высокогорье.

— Тебе правда интересно, а-Чжэ?

Кан Чжэ с лёгким пренебрежением, безжалостно изогнул губы:

— Нет.

Улыбка Тан Юйхуэя померкла, но не исчезла совсем. Он тихо произнёс: «О» и, не отрывая взгляда от Кан Чжэ, продолжил:

— В детстве у меня почти не было развлечений. Телевизор дома включали редко, да и каналов было мало. Больше всего я любил документальные фильмы на CCTV и тайком их смотрел. Это вошло в привычку. Несколько лет назад там показывали проморолик, снятый в Западной Сычуани. Он был потрясающим, и мне захотелось приехать сюда, в Юньнань и Тибет. Я знаю, что здесь есть очень красивая гора — Гунгашань. По телевизору говорили, что она священна и прекрасна, как божество. В особые дни её вершину якобы видно даже из Чэнду. — Тан Юйхуэй невинно, не осознавая как притягателен в своей наивности, распахнул глаза: — Это правда?

Кан Чжэ не ответил и принялся разглядывать землю у себя под ногами. Голос Тан Юйхуэя стал чуть тише:

— Хм... Ты, наверное, уже догадался. У меня... кое-какие неприятности, поэтому я сбежал сюда. Это не секрет, могу рассказать потом. Но сейчас хочу сказать не об этом...

Облака, обычно клубящиеся на склонах гор, к обеду рассеялись. Полуденное солнце нещадно палило, голова Тан Юйхуэя кружилась, ультрафиолет методично добивал его. Он ждал, что Кан Чжэ задаст вопрос. Ожидание было мучительным. Оно словно покрывало кожу Тан Юйхуэя тонкой, липкой плёнкой, сковывало движения, и каждый вдох причинял боль. Тишина становилась невыносимой.

Наконец Кан Чжэ заговорил. Его лицо оставалось бесстрастным, как у божества, сочетая мягкость и отстранённость:

— Тогда расскажешь потом.

Тан Юйхуэй опешил. Тонкая плёнка превратилась в твёрдую оболочку, покрывшую кожу причудливыми, неприглядными узорами. Кровь в его жилах словно загустела. Он долго молчал

и наконец медленно произнёс:

— Да... Тогда как-нибудь в другой раз.

Днём мама Кан Чжэ вынесла во двор небольшой круглый стол. Он был украшен по краю необычайно тонкой резьбой — изящным орнаментом в виде цветов космеи. Столик был складным и лёгким. Кан Чжэ даже не стал помогать, а стоял в стороне и курил. Мама Кан Чжэ, заметив, что Тан Юйхуэй не отрывает взгляда от резьбы, застенчиво улыбнулась, указала на Кан Чжэ и с трудом произнесла по-китайски:

— Кан Чжэ... сделал.

Тан Юйхуэй хотел поднять голову, чтобы взглянуть на Кан Чжэ, но так и не решился. Мама уже начала ощущать странную атмосферу между ними, но тут из дома вышел отец с чайным набором. Тан Юйхуэй поспешно встал, чтобы помочь расставить чашки. Отец Кан Чжэ махнул рукой, чтобы тот не стеснялся. Он говорил по-китайски вполне сносно, но из-за сурового выражения лица казался угрюмым. К счастью, после обеда неловкость между ними рассеялась. Он улыбнулся Тан Юйхуэю:

— Сяо Тан, попробуй чай. Это наш домашний чай, не знаю, понравится ли тебе.

Кан Чжэ потушил сигарету:

— Поговорите без меня, я пройдуся.

Не дав Тан Юйхуэю времени возразить, он быстро пошёл прочь. Тан Юйхуэй беспомощно посмотрел на его удаляющуюся фигуру, затем смущённо опустил глаза. Ему не хватало опыта общения с добродушными старшими, и он очень боялся показаться неучтивым. Присутствие Кан Чжэ сглаживало неловкость, но теперь, оставшись один, он снова почувствовал ту же скованность, что и за обедом. Тан Юйхуэй сидел прямо, в его взгляде читались тревога и напряжение, но он старался улыбаться.

Родители Кан Чжэ, как и все тибетцы, были открытыми и простодушными, им редко встречались такие послушные дети, как Тан Юйхуэй. Чем дольше они на него смотрели, тем больше проникались симпатией к этому мягкому и вежливому юноше и боялись, что их гостеприимство покажется ему недостаточно тёплым.

Отец Кан Чжэ взял чайник и налил чай в маленькую пиалу перед Тан Юйхуэем. Тот поднял её и увидел, как золотистый напиток переливается на солнце, источая тонкий, глубокий аромат. Тан Юйхуэй сделал глоток. Тёплый чай освежал и дарил удивительное спокойствие — в нём было что-то неуловимо умиротворяющее.

Отец Кан Чжэ с улыбкой сказал:

— Это чай цзяэнь, он растёт только в Гардзе. Этот чай любят ханьцы, у него нет никакого постороннего привкуса. — Видя, что чай понравился Тан Юйхуэю, он стал многословнее: —Его делают из высушенных листьев шелковицы, собранных в горах. Сначала их варят с добавлением щелочи, пока вода не выкипит, а листья не почернеют, затем сушат на солнце. Когда завариваешь, достаточно бросить горсть листьев в кипяток.

Мужчина поднял свою чашку, сделал глоток и с непринуждённой улыбкой сказал Тан Юйхуэю:

— Если ты предпочитаешь чай с молоком, я могу приготовить его для тебя.

— Не нужно, спасибо, дядя. Мне этот нравится, он очень вкусный! — поспешно ответил Тан

Юйхуэй.

Отец Кан Чжэ промолчал, глядя на него с улыбкой. Тянулся долгий полдень, и пар от чая, словно туман, застилал глаза, создавая лёгкую дымку. Отец Кан Чжэ задумчиво, будто с ностальгией посмотрел на Тан Юйхуэя и сказал:

— Не ожидал, что Кан Чжэ приведёт домой друга-ханьца.

Тан Юйхуэй не знал, можно ли считать их друзьями, но втайне надеялся, что да. Он неуверенно, наполовину признавая это, поспешно ответил:

— Нет-нет, это я увязался за Кан Чжэ, попросил взять меня с собой.

Отец Кан Чжэ, глядя на него, улыбнулся и что-то сказал матери Кан Чжэ. Она тоже улыбнулась.

— У нас здесь особо нечем заняться, — мягко произнёс он. — Обычному человеку тут наскучит через неделю. Я вижу, что у тебя нет никаких дел, значит, ты здесь по другой причине. Нам следовало бы заботиться о тебе лучше. Он снова отпил чай, — но сейчас самая горячая пора для крестьян. Обычно в это время мы с матерью Кан Чжэ закрываем гостиницу до летних каникул, но мы впервые зарегистрировались в интернете и, к сожалению, забыли снять объявление. Хотели позвонить тебе, чтобы отменить твою бронь, но Кан Чжэ сказал, что может пожить в гостинице и помочь.

Тан Юйхуэй слышал об этом впервые. Опешив, он медленно произнёс:

— В самом деле?

Отец Кан Чжэ кивнул:

— Да. Видно, такова судьба.

Тан Юйхуэй немного помедлил в нерешительности, но всё же спросил:

— Дядя, а Кан Чжэ... он ведь меня не очень любит? Кажется, он... ну... не хочет со мной общаться.

Отец выглядел слегка смущённым, но не стал ничего объяснять. Вместо этого он спросил:

— Он возил тебя кататься на лошадях, верно?

Тан Юйхуэй удивлённо кивнул. Отец Кан Чжэ мягко улыбнулся:

— Ты ему нравишься.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130172>